

УДК 94(497.11):930(470)
93/94:929 Шемякин А. Л.
94:327(497.11:470)
DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.bel.21-30>

Михаил Валерьевич БЕЛОВ, д.и.н., проф.
Институт международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
belov_mihail@mail.ru

Проф. др Михаил Валеријевич БЕЛОВ
Институт међународних односа и опште историје Нижегородског
државног универзитета „Н. И. Лобачевски“

**„Русские о Сербии и сербах“: между первым и вторым томом¹
„Руси о Србији и Србима“: између првог и другог тома**

Между выходом первого (2006) и второго тома (2014) „Русских о Сербии и сербах“ прошло восемь лет.² А.Л. Шемякин начал с ранее публиковавшихся (в периодике или отдельными изданиями) свидетельств русских дипломатов, военных, общественных деятелей, журналистов, писателей и ученых, побывавших в Сербии во второй половине XIX – начале XX века, а во вторую книгу включил только новые архивные материалы. Идею издать третий том серии, который составили „сербские сочинения“ П.А. Ровинского, осуществили его ученики.

Работа по выявлению комплекса всех этих материалов совпала по времени с возникновением и осуществлением гораздо более широкого научного проекта, который сформировался в результате сотрудничества Шемякина с Риттой Петровной Гришиной (1930–2015). Их замысел заключался в коренном пересмотре сложившихся в отечественной балканистике упрощенных схем ускоренного развития постосманских социумов по капиталистическому пути развития после обретения независимости на рубеже XIX–XX века. Кри-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.
2 *Русские о Сербии и сербах, Т. I. Письма, статьи, мемуары*, сост., вступ. ст., закл. А. Л. Шемякина; комм. А. А. Силкина, А.Л. Шемякин, Санкт-Петербург 2006; *Русские о Сербии и сербах, Т. II (архивные свидетельства)*, сост., подг. к изд., введ., закл. ст. А. Л. Шемякина; комм. А. А. Силкина, А. Л. Шемякин, Москва 2014.

тический взгляд на трудности и зигзаги этого пути оппонировал и разрабатывавшимся в национальных историографиях балканских государств — под влиянием посткоммунистической конъюнктуры — парадным версиям „европейского выбора“, который якобы уже был реализован в прошлом, а теперь необходимо только вернуться к нему.

Работа в направлении выработки новой компаративной концепции развития Балканского региона после ухода турок прошла несколько этапов, которые характеризовались расширением хронологических и предметных границ, вовлечением специалистов из смежных дисциплин, детализацией и рассмотрением разных аспектов проблемы, организацией научных дискуссий с участием широкого круга исследователей.

Ретроспективно и обобщенно инициаторы назвали этот проект „Модернизация по-балкански“, в другом случае, подчеркивая его историко-антропологическое измерение — „Человек на Балканах“.³ Нет смысла повторять сказанное самими вдохновителями проекта, перечислять многочисленные статьи, монографии и конференции в которых отразились его результаты... Остановлюсь лишь на некоторых аспектах, характеризующих смещение акцентов в отправных пунктах рассуждений Шемякина, и на историографических событиях, которые были частью его рефлексии, но по тем или иным причинам оказались на периферии обсуждения в знакомых нам публикациях.

Серия изданий „Русские о Сербии и сербах“ была неразрывно связана с работой Шемякина над более широкой проблематикой, определившейся в тандеме с Гришиной. Свидетельства русских наблюдателей, наряду с другими материалами личного происхождения (особенно, дневниками сербских деятелей того времени, которым авторы доверяли свои сокровенные мысли), служили важной частью доказательной базы его концепции. Они указывали на живучесть традиционных структур, установок и паттернов поведения, а, следовательно, и на имитационный, поверхностный, декоративный характер европейских новшеств. Надежность русских свидетельств обосновывалась Шемякиным презумпцией цивилизационной близости

3 Гришина Р. П., Шемякин А. Л., „Научный проект Института славяноведения ‘Модернизация по-балкански’“, *Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре*, отв. ред. Е. С. Узенёва, Москва 2014, 323-333. Шемякин А. Л., „Человек на Балканах“ Научный проект Института Славяноведения РАН, *Балканские тетради, Нижний Новгород*, 1/2017, 149-160. Режим доступа: https://bt.unn.ru/files/2017/08/2017_15_shemiakin.pdf.

сти русских и сербов, которые были друг для друга „своими другими“, а вовсе не „чужими“ как западные визитеры. Между тем, „другость“ русских заставляла их фиксировать в своих наблюдениях именно те обстоятельства сербской жизни, которые были слишком привычными для местных жителей, и поэтому замечались реже. „Острый глаз русских наблюдателей помог нам, заглянув за фасад европейских новаций — в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, современных систем образования и воинской службы, — обнаружить там устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого селяка, но и значительной части сербской элиты, что наглядно показывает деформированный и неорганичный характер модернизации “по-сербски”.“⁴

Важным фактором для реализации проекта, который в Институте славяноведения РАН в Москве координировали Гришина и Шемякин, и для его собственных изысканий в связи с русскими свидетельствами о Сербии и сербах, стала работа М. Йовановича над зеркальным проектом „Сербы о России и русских“. Между тем, исследовательские подходы Шемякина и Йовановича существенно различались в силу специфики материала и определяемых из него задач.⁵ Для Шемякина русские свидетельства были уникальными источниками информации, которые позволяют откорректировать или дополнить местные свидетельства (с ними он тоже плотно работал), именно потому, что такие свидетельства исходят извне, но при этом лишены шор цивилизационного превосходства. Йованович разработал плодотворную модель трех дискурсов, определяемых направлением взгляда (из России, из Сербии и из каких-то третьих стран на отношения между ними). Он сосредоточил свое внимание на самом устройстве взгляда на Россию в Сербии, определив его как полярный механизм преувеличенной любви или тотального неприятия, работающий, так или иначе, на местную национальную, внешне- или внутривосточную идентичность. Такой угол рассмотрения был не релевантен стержневой интенции Шемякина, поэтому подходы Йовановича не получили развития в его работах, хотя он горячо приветствовал усилия свое-

4 *Русские о Сербии и сербах, Т. II, 552.*

5 Подробнее об этом: Белов М. В., „Русские и сербы во взаимных представлениях: исследовательский диалог А.Л. Шемякина и М. Йовановича“, *Человек на Балканах. Памяти А.Л. Шемякина* (в печати).

го друга и колеги.⁶ Расширение хронологических рамок и изменение наблюдательных векторов в проекте изучения взаимных представлений, инициированном Шемякиным, привели к необходимости использования вариативного исследовательского инструментария.⁷

Одним из ключевых понятий, организующих проект Гришиной и Шемякина, было понятие модернизации. Проект, получивший в середине нулевых поддержку РГНФ, назывался „Балканские народы в процессе модернизации. XIX – первая половина XX века“. Второй „Человек на Балканах“ (2004) имел в заголовке то же понятие, а подзаголовок указывал на диагноз: „Синдром отягощенной наследственности“. Следующий „Человек на Балканах“ назывался „Государство и его институты: гримасы политической модернизации“, а за ним — „Социокультурные измерения модернизации на Балканах“.⁸ Сборник 2012 г. назывался „Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)“. Проект, поддержанный грантом Отделения Историко-филологических наук РАН, получил название „Власть и общество на Балканах: модель взаимодействия в процессе модернизации. Середина XIX – начало XX в.“.

Ключевой тезис Шемякина применительно к Сербии рубежа веков констатировал имитационный характер модернизации: „...за фасадом европейских новаций, в виде „стандартного“ набора атрибутов либерально-буржуазного государственного устройства, скрывались устойчивые структуры и навыки традиционного общества; именно они во многом определяли уклад жизни и поведения не только простого крестьянина, но и большей части балканских элит (здесь и далее в цитатах курсив Шемякина. – М.Б.). Осознание этого положения способствует ломке застаревших стереотипов... и, главное, дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведче-

6 Шемякин А. Л., „Сербы о русских – ‘от России до России’“, *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах*, Москва 2012, 455-458; Шемјакин А., „Срби о Русима – ‘од Русије до Русије’“, *Руски алманах* 18/2013, 178-181.

7 Белов М. В., „Русские и сербы во взаимных представлениях: методологические заметки к научному проекту“, *Диалог со временем* (в печати).

8 *Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.)*, отв. ред. Р.П. Гришина, Санкт-Петербург 2006; *Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.)*, отв. ред. Р.П. Гришина, Санкт-Петербург 2007.

ских построений — утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории.⁹

Последнее замечание, указывающее на социальную функцию исторической науки, отсылает нас к методологическими принципам А. Митровича и его учеников, того же М. Йовановича или Д. Стоянович. Но не только... Споры вокруг предназначения профессии историка, о соотношении мифологических построений и исторической истины, о примате разума над эмоциями в отношении к прошлому обострились в связи с выходом в начале 2009 г. перевода книги Х. Зундхауссена „История Сербии XIX–XXI веков“. Хотя об этой работе высказывались, порой, разные, в том числе и умеренно-одобрительные мнения, тон задавали голоса решительного осуждения и опровержения. Большинство сербских историков либо не услышало, либо отвергло призыв Зундхауссена к пересмотру застарелых историографических стереотипов. Его методология, основанная на исследовании истории памяти в контексте, по преимуществу, социокультурной истории, имела некоторые существенные просчеты. И это облегчило задачу отражения прозвучавшего вызова¹⁰.

Среди критиков Зундхауссена был и М. Кович, а его критика, пожалуй, была наиболее искусной. Кович не стал писать рецензию на труд Зундхауссена, но опубликовал большую статью в двух версиях (сербской и английской) с внушительным обзором зарубежных работ по сербской истории последних двух или трех десятилетий.¹¹ Задачей стал симметричный ответ европейским, американским и прочим историкам, чьи сочинения о Сербии последнего времени так и пестрят враждебно-пропагандистскими стереотипами, муслировавшимися в ходе войн 1990-х гг.

Хотя такое обвинение явно не касалось Шемякина, его работам под знаком модернизации Кович тоже уделил некоторое внима-

9 Шемякин А. Л., „Человек на Балканах‘ Научный проект Института Славяноведения РАН“, *Балканские тетради, Нижний Новгород*, 1/2017, 155.

10 Белов М. В., „Сообщество памяти против его исследователя: полемика вокруг книги Х. Зундхауссена ‘ История Сербии с XIX до XXI века ‘“, *Историческая экспертиза* 3/2019, 98–120.

11 Ković M., „Saznanje ili namera: savremena svetska istoriografija o Srbima u XIX veku“, *Sociologija* 4/2011, 402–416. Ković M., „Imagining the Serbs: Revisionism in the Recent Historiography of Nineteenth-century Serbian History“, *Balkanica* 43/2012, 325–346.

ние.¹² Он начал с монографии о Николе Пашиче,¹³ в которой подчеркивается противопоставление традиционного селячского общества и европеизированной элиты, на нем, как интерпретирует основной посыл книги Кович, строилась идеология вождя радикалов и его партии. „Европейские, да и балканские рамки феномена сербского радикализма оказались полностью затушеваны в пользу славянофильско-русского контекста“. Сам Кович, ссылаясь на некоторые западные работы по индустриальной Европе,¹⁴ пытался связать партию Пашича с общеевропейским феноменом радикализма, то есть с повесткой демократических реформ и социальной политики. А также утверждал, что сопутствующий „обществам в развитии“ национализм имеет, в сущности, модернизирующий эффект.

В этом месте Кович переходит к критике Зундхауссена, а закончив с ним, он вновь возвращается к Шемякину в разделе „Архаичность теории модернизации“. Здесь утверждается, что „теории модернизации“ отслужили свое еще в 1960–70-е гг., а использованная у Шемякина дихотомия социально-экономического „базиса“ и политико-идеологической „надстройки“ имеет еще более отдаленное происхождение. Ссылаясь на Майкла Манна и Марка Мазауэра,¹⁵ Кович увязал феномен тоталитаризма и истребительного насилия XX века с современной бюрократией и массовой демократией, в то время как Шемякин и Зундхауссен указывают на непреодоленную архаику как на источник всех бед. Призывая отказаться от плохой теории, Кович не сообщал здесь, чем бы ее можно было заменить, но в другом месте примерял к истории Сербии (и Балкан в целом) возможности постколониальных исследований.

Парадокс заключается в том, что в других случаях Кович с готовностью отмечал быстрое продвижение Сербии к европейским стандартам демократии. То есть он имел в виду именно ту, давно отвергнутую разновидность теорий модернизации, основанную на фор-

12 Ković M., „Saznanje ili namera: savremena svetska istoriografija o Srbima u XIX veku“, *Sociologija* 4/2011, 402-416.

13 Шемякин А. Л., *Идеология Николая Пашича: формирование и эволюция (1868–1891)*, Москва 1998.

14 Biddis M. D., *The age of masses: Ideas and society in Europe since 1870*, Hassocks 1977; Gildea R., *Barricades and borders Europe 1800-1914*, Oxford 1996.

15 Mazower M., „Violence and the State in the Twentieth Century“, *American Historical Review* 4/2002, 1158-1178; Mazower M., *Hitler's Empire. Nazi Rule in Occupied Europe*, London 2008; Манн М., *Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток*, Москва 2016.

мально-институциональном и структурно-функциональном подходах, которые критиковал Шемякин. В свою очередь когда Кович ссылается на „теневые стороны демократии“ в изложении М. Манна, он игнорирует полемический контекст его выводов. Вероятно, феномен тоталитаризма, геноциды и этнические чистки XX века, следует связывать не с архаикой или модерном, а со специфическим соединением того и другого. Нацизм, например, конечно, был бунтом против современности (индивидуализма и разнообразия) с использованием самых современных технических средств, технологий, дисциплины и бюрократии. И это не отменяет очевидных обращений к архаике в идеологии, символах или расовой политике „третьего рейха“.

Теории модернизации первой волны действительно были раскритикованы за европоцентризм, прямое или косвенное оправдание колониального господства и постколониального косвенного управления. Однако систематическая критика, начавшаяся с конца 60-х, привела к усложнению теорий в 70-х (например, в работах Ш. Эйзенштадта), и затем они получили второе дыхание в начале нулевых с утверждением идеи о множественности путей к современности, о разных (или „переплетенных“) модерностях, а также в связи с дебатами о постмодерне. Несмотря на разочарование в возможности построения нормативной теории модернизации (что является только вариантом общеизвестной утраты „большой теории“ в социальных науках), академический дискурс модернизации сохраняет свою ценность¹⁶.

В ходе работы над проектами, перечисленными выше, в частности, в рамках конференций „Человек на Балканах“ Шемякин стремился учесть эти теоретические сдвиги. В частности, на одной из конференций выступала Валентина Гавриловна Федотова, автор интересной работы „Модернизация „другой“ Европы“ (1997). Однако специального обсуждения теорий модернизации в своих работах Шемякин избегал.

Как же ответил Шемякин на критику Ковича? В подробном отчете о реализации проекта изучения „Модернизации по-балкански“ в 2014 г. он приветствовал „полемические ноты“ („нас это только радует“) и выражал надежду на „предстоящую дискуссию“, которая поспособствует ломке стереотипов, а готовность к таковой

16 Обзор общих работ, а также дискуссию о российской и советской модернизации см. в подборке: „Споря о модерности“, *Новое литературное обозрение* 4/2016.

подтверждается его прежними полемическими выступлениями.¹⁷ В заключительной статье второго тома „Русских...“ упоминания статьи Ковича не обнаружено. Полемика с ним присутствует в коллективной монографии 2016 г., где подводятся итоги реализации проекта (она была подготовлена уже после смерти Р. П. Гришиной). Однако Шемякин полемизирует не с оценками теории модернизации, а с интерпретациями политических реалий в отредактированной Ковичем коллективной монографии-словаре.¹⁸

В 2014 г. состоялась защита диссертации Алены Алексеевны Михайловой „Политические и социально-экономические трансформации в Сербии в контексте модернизационных процессов в последней трети XIX – начале XX века“, на которой Шемякин выступал официальным оппонентом. Здесь он снова вспомнил об обзорной статье Ковича, который „... вообще „вывел“ теорию модернизации из научного оборота, назвав ее „архаичной“... Но ведь именно она (в различных ее аспектах) помогает преодолеть ограниченность чисто формального подхода, не способного объяснить, почему одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой совершенно по-разному.

[Она же]... напрочь ломает „стройные“ построения приверженцев идеи о линейно-поступательном пути Сербии в Европу и, соответственно, о ее „европейском“ характере.

... проблема модернизации Сербии из некогда сугубо академичной трансформируется ныне в принципиальный спор (увы, далекий пока от диалога) по вопросу об интерпретации Новой истории страны в целом.¹⁹

Способом дискуссии с подобного рода возвышающими иллюзиями (а часто и политической инструментализацией образов прошлого) для Шемякина было противопоставление им полярных свідетельств, особенно из вновь открываемых архивных источников. Такая модель выявляется, например, в финале заключительной ста-

17 Гришина Р. П., Шемякин А. Л., „Научный проект Института славяноведения ‘Модернизация по-балкански’“, *Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре*, отв. ред. Е.С. Узенёва, 332.

18 *Человек на Балканах. Особенности „новой“ южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.* Коллективная монография, Москва 2016, 172, 185, 204 и др.; *Срби 1903–1914. Историја идеја*, при. М. Ковић, Београд 2015.

19 https://lib.urfu.ru/file.php/118/moddata/data/.../Otzyv_na_avtoreferat_SHemjakin_A.L.pdf

тъи к первому тому „Русских...“²⁰, где после апологетической цитаты из Д. Батаковича, оценившего Сербию начала XX века как „современное европейское государство“, за скупыми комментариями следуют опровергающие ее извлечения из шести авторов, современников эпохи (француза, британки и четырех подданных Российской империи). Шемякин постоянно вступал в полемику с европеизирующими оценками предвоенной независимой Сербии, столь распространенными в национальной историографии, где его надежными помощниками становились свидетельства очевидцев, а теоретическое осмысление концентрировалось на крестьянском составе сербского общества.²¹

Основной интерес на протяжении всего времени реализации „большого“ („Модернизация по-балкански“, „Человек на Балканах“) и „малого“ („Русские о Сербии и сербах“) проектов оставался у Шемякина, по сути, стабильным: „... менталитет сербского традиционного общества — его универсальные характеристики и эволюция в результате воздействия европейских идей и институтов, т.е. в процессе модернизации Сербии“. Впрочем, эволюция, если судить по исследованиям Шемякина, проявлялась слабо. Напротив, малоподвижные социальные и ментальные структуры определили то, что „... процесс модернизации по-сербски обретал деформированный, т.е. неорганичный характер (в отличие от представлений местной элиты и позднейшей национальной историографии о линейном и универсальном пути Сербии в Европу).“²²

Та же задача повторяется и во втором томе „Русских...“, однако указывается превосходящая информационная ценность архивных материалов в силу их особой „конфиденциальности“.²³ Общий замысел тоже корректировался под действием архивных бумаг, прежде всего, вышедших из-под пера П.А. Кулаковского (8 авторских листов

20 Шемякин А. Л., „Традиционное общество и вызовы модернизации Сербии последней трети XIX – начала XX века глазами русских“, *Русские о Сербии и сербах*, Т. 1, 669-670. Ранее эта статья публиковалась в книге: *Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века)*. Сб. статей, отв. ред. Р.П. Гришина, Санкт-Петербург 2004, 10-53.

21 См. например, статью, которую сам автор определял как полемическую по замыслу, хотя в значительной степени она посвящена героическому идеалу „человека вечной войны“: Шемякин А. Л., „Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о „современном“ государстве)“, *Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912-1913)*. Сб. статей, отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин, Москва 2012, 123-162.

22 *Русские о Сербии и сербах*, Т. 1, 6-7.

23 Ibid, Т. 2, 5-6.

во втором томе). Они, вкупе с другими источниками, позволили подробнее исследовать „особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских“. Таков заголовок статьи закрывающей том.²⁴ В результате, „человек политический“ потеснил „человека воинствующего“, который должен был стать героем третьего тома. На этом этапе „код сербского менталитета“ прочитывался с помощью заимствованной из политологии концепции „политической культуры“, и она, в свою очередь, также восходит к теориям модернизации. Для характеристики сербской политической культуры исследуемого периода Шемякин использовал модель американского политолога У. Розенбаума (1975), определившего подобный тип как фрагментированный и поляризованный (он противопоставлен, соответственно, интегрированному и консенсусному).²⁵

Использование концепции „политической культуры“ в 1970-е гг. свидетельствовало об отходе от фетиша „хороших“ институтов, в которые верили в 60-е. Однако бинарная схема Розенбаума, по существу, была так же статична в своем противопоставлении „хорошей“ и „плохой“ политической культуры. В ней крылась опасность культурного редуционизма и эссенциализма, и она была мало пригодна для анализа сдвигов в политическом поведении или факторов, на них влияющих. Кстати, то же самое, по-видимому, относится и к суждениям внешних наблюдателей, которым не так заметны именно медленные изменения (не обязательно в лучшую сторону), а круг их внимания ограничен, когда они склонны к быстрым обобщениям.

Если Шемякин и не теоретизировал в подобном направлении, он пытался дополнить картину политического процесса в независимой Сербии еще какими-то переменными: неопределенность этнических (национальных) границ, степень близости к маякам модернизации, конфликтные взаимоотношения центра и периферии, сохранение парамилитарных традиций и структур, сужение времени, отпущенного на перемены, в условиях общего тренда на милитаризацию и эскалацию конфликтов в Европе и мире.

И все же интерес к ментальным структурам оставался доминантным. Такая концентрация на проблемах сознания сербского общества объединяла исследовательские усилия А.Л. Шемякина и М. Йовановича.

24 Ibid, 551–627.

25 Ibid, 557–558. В изложении модели Розенбаума Шемякин использовал работу: Пивоваров Ю.С., *Политическая культура. Методологический очерк*, Москва 1996.